

Исполнилось всегдашнее желание Куприна: умереть у себя дома, на русской земле. Когда Александр Иванович внезапно уехал в Россию, его никто не осудил за «измену эмиграции». Знали, что в Россию увезли больного, беспомощного старика, уже плохо соображавшего, что с ним происходит. Но было бы ошибочно думать, что эта последняя, трагическая поездка Куприна не соответствовала его сокровенным желаниям... Когда жена начала хлопотать и списываться с И.Я.Билибиным и с Алексеем Толстым, который уехал в Россию совсем не из тоски по родине, как писал Илья Эренбург, а скорее чтобы скрыться от кредиторов и портных, - Куприн не возражал, а по-детски радовался: вернуться в Москву!.. На вокзале Куприн, садясь в вагон, сказал: «Я готов был пойти в Москву пешком, по шпалам».

Был он связан с Россией такими кровными узами, что, оторвавшись от родной земли, уже не мог писать, сознавал это и испытывал величайшие страдания. «Писал в Париже Тургенев, - жаловался он. - Мог писать вне России. Но был он вполне европейский человек, и было у него душевное спокойствие. Горький и Бунин писали на Капри прекрасные рассказы... Но ведь у них было тогда чувство, что где-то, далеко, у них есть свой дом, куда можно вернуться, припасть к родной земле, набраться от нее сил... А ведь сейчас у нас чувства этого нет, и быть не может: скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая...»

...Несчастье Куприна заключалось в том, что он не мог писать по памяти, как Бунин, Шмелев, Зайцев или Ремизов. Куприн всегда должен был жить жизнью людей, о которых писал - будь то балаклава-ские рабаки или люди из «Ямы». «Ничего я никогда не выдумывал, - говорил мне Куприн о методах

своей работы. - Жил я с теми, о ком писал, впитывал их в себя, барахтался страстно в жизни. Потом все постепенно отстаивалось и нужно было только сесть за стол и взять в руки перо...»

Александр Иванович очень любил молодых и всячески им помогал... Когда мы сдружились, он сам предложил написать предисловие к моей книге «Париж ночью», и предисловие вышло

птиц, собак, лошадей, - я ни разу не видел, чтобы он прошел мимо пса на улице, не погладив его. Но настоящей страстью были лошади, - он искренне был убежден, что лучшее в «Анне Карениной» - это ло-

и она первая дала мне правильное определение его двойной натуры: «Он - грубый и нежный».

Во время прогулок Куприн всегда что-нибудь вспоминал, или изображал в лицах... «Ушел я, значит, в отставку и с жадностью набросился на жизнь. Чего только не видел, чем не занимался! Был я землемером. В Полесье выступал предсказателем. Артистом был в городе Сумы. Изображал больше лакеев и рабов... Кирпичи на козе таскал, арбузы в Киеве грузил. Был я псаломщиком, махорку сажал, в Москве продавал замечательное изображение «Пудр-клозет»... Писать я серьезно стал, только присмотревшись к жизни, набравшись впечатлений».

...В «Воспоминаниях» Бунина есть несколько страшных строк: «Я как-то встретил его на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шел мелкими, жалкими шажками, плелся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, но сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слезы навернулись на глаза». ...Потом его увезли в Россию...

...Я читал у Телешева о последних днях жизни Куприна. Поселили его в каком-то подмосковном доме отдыха для писателей. Приехали туда в гости матросы-балтийцы. День был хороший, пели хором на лужайке, устроили игры. Матросы подходили к нему, пожимали руку, говорили, что читали его «Поединок» и другие вещи, благодарили. Куприн молчал и вдруг громко заплакал.

Так он и умер - успокоенный и примиренный. Теперь закрываю глаза и стараюсь представить себе мертвого Александра Ивановича - и не могу: идет по улице улыбающийся человек с татарским, широкоскулым лицом, в помятой, криво надетой шляпе, - живой Куприн.

Майя КРЫЛОВА.

НАСЛЕДИЕ

О безысходности и вечной любви...

Нынешняя осень богата памятными датами русской литературы. Среди них - 125-летие со дня рождения А.И.Куприна, замечательного писателя, чье творчество как бы «перебрасывает мост» от классической литературы прошлого столетия к новой прозе XX века. Многообразие Куприна - безысходность «Поединка», трагический ужас «Ямы», бессмертная любовь «Гранатового браслета» и «Суламифи» - захватывает своими почти экзистенциальными страстями. И любя, даже самая что ни на есть

«бытовая» коллизия, рассмотренная писателем, становится поразительно емкой. Как в капле морской воды уже есть целый океан, так в жизни «простых» героев Куприна - рыбаков, нищих музыкантов, мальчика с пуделем - заключены огромные духовные возможности, неизмеримые внутренние миры.

Воспоминания младшего современника Куприна, друга времен эмиграции Андрея Седых (журналиста и писателя), рисуют живой и страдающий облик писателя, который не мог жить без родной земли, без России.

Это был черный день. Но бывали дни другие, спокойные, и даже радостные. На широком, некрашеном столе появлялась бутылка вина и тарелка с медовыми пряниками из соседней русской лавочки. Александр Иванович разливал по стаканам и говорил с улыбкой - он любил улыбаться, и на лице его при этом появлялось какое-то детское выражение: «Ну, поздороваемся!»

Закусывали пряником, и сразу повеселевший Куприн начинал вспоминать прошлое. Рассказывал он охотно, не повышая голоса, скороговоркой: «Первый гонорар, нет, это, брат, не забудешь! Де-

дей!» С этим первым рассказом... вышла большая неприятность. Куприн был тогда еще в юнкерском училище, и когда пришел номер с рассказом, юнкера вызвали к начальству: «Куприн, ваш рассказ?» - «Так точно!» - «В карцер!»

Так сказать, в назидание на будущее время: не печататься без разрешения начальства! Сидя в карцере, Куприн от скуки прочитал свой рассказ отставному солдату, старому училищному дядьке. Выслушал он внимательно и сказал юному автору, ждавшему комплиментов: «Здорово написано, ваше благородие! А только понять ничего нельзя».

Перед этим долго и строго меня допрашивал: «Почему беллетристику не пишете? Пора переходить на рассказы». - «Да я очень люблю газету, Александр Иванович. И журналистика - занятное ремесло».

...В молодости Куприн жил буйно, был страшен во хмелю, злоупотреблял своей физической силой и временами делал вещи бессмысленные и даже жестокие. Таким я его не знал - мы познакомились поздно, в Париже, и тогда Александр Иванович уже был совсем иным, - годы и болезнь сломили его, он сделался легким и ласковым... Любил еще Куприн

шадь Вронского «Фру-Фру» и описание его скачки.

- У меня эта любовь к лошадям в крови, от татарских предков, - вполне серьезно говорил он. - Мать была урожденная княжна Куланчакова. А по-татарски «куланчак» означает - жеребец... Я с детства на лошадях по степи гонялся, да как!

Многие находили, что в Куприне было что-то от большого зверя. Тэффи мне говорила: «Вы обратите внимание, как он всегда принюхивается к людям. Потянет носом, и конец - знает, что за человек». Тэффи вообще Александра Ивановича очень любила,